

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 159.922.6

DOI: 10.17853/1994-5639-2023-10-153-182

СТРЕССОГЕННОСТЬ И ИНТЕНСИВНОСТЬ РОДИТЕЛЬСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. В. Тихонова¹, Ю. В. Мисиюк², У. Ю. Севастьянова³
Костромской государственный университет, Кострома, Россия.
E-mail: ¹inn.007@mail.ru; ²misiyuk@ysmu.ru; ³ulyanakostroma@mail.ru

Аннотация. Введение. Увеличение репродуктивных решений молодежи в виде осознанной бездетности, отложенного родительства, малодетности, и их роль в неоптимистичном демографическом прогнозе государства актуализируют научные исследования факторов и условий возникновения установок на деторождение. Субъективные факторы, определяющие репродуктивные планы, не менее важны, чем объективные (материальные, социальные). В субъективной картине потенциального родительства большое значение имеют представления о стрессогенности родительской роли, высокие требования к которой транслируются на уровне общественных ожиданий и формируют практики интенсивного воспитания, а также устойчивое отношение к восприятию отцовства и материнства задолго до появления детей.

Цель исследования состояла в изучении особенностей представлений студенческой молодежи о стрессогенности и интенсивности родительской роли в контексте гендерного фактора и репродуктивных планов.

Методология, методы и методики. Выборка состояла из 364 бездетных студентов ($M = 19,43$ лет). Для достижения цели исследования выборка была разделена по половому признаку (218 девушек и 146 юношей) и по ориентации на рождение детей: на бездетность ($n = 32$); на многодетность ($n = 75$); на малодетность ($n = 257$). Использовались методы и методики: авторская анкета; методика «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» J. O. Berry & W. H. Jones, 1995), русскоязычная версия в адаптации Ю. В. Мисиюк, И. В. Тихоновой, 2022; методика «Опросник установок на интенсивное родительство» (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire, M. Liss, H. H. Schiffrin, V. H. Mackintosh, H. Miles-McLean M. J. Erchull, 2013 в адаптации Ю. В. Мисиюк, 2022); авторский вариант полуструктурированного интервью (изучающего представления молодых людей о стрессорах родительской жизни в разные периоды развития ребенка и интенсивности стресса). Использовались методы статистической обработки.

Результаты. Выявлена специфика представлений о стрессогенности и интенсивности родительства, родительских стрессах в разные периоды жизни детей и их содержания в зависимости от ориентации на деторождение и гендерных ролей. Студенты ориентации «чайлд-фри» воспринимают родительскую роль как связанную с высоким уровнем родительского стресса, не приносящую удовлетворения, дефицитную с точки зрения ресурсов, несущую угрозу потери контроля над собственной жизнью, предъявляющую высокие требования в том числе к необходимости сти-

мулировать развитие детей. Студенты, ориентированные на многодетность, демонстрируют сбалансированное с точки зрения ресурсов и затрат представление о стрессогенности родительства. Ориентированные на малодетность, имеют представление об умеренной стрессогенности родительства, но указывают на такие возможные признаки родительского стресса как «потеря контроля» и «родительские стрессоры».

Девушки оценивают стрессогенность родительской роли выше, чем юноши, ожидают меньший уровень удовлетворенности, высокий уровень стресса в периоды раннего и дошкольного возраста ребенка. Девушки демонстрируют выраженность установок на эссенциализм, а юноши на детоцентризм. Эссенциализация родительства усиливает влияние на представления о стрессогенности родительства, в то время как установка на получение удовольствия от родительства может являться фактором протекции.

Научная новизна. Впервые изучены характеристики и показана взаимосвязь стрессогенности родительской роли и установок на интенсивность в воспитании детей в представлениях потенциальных родителей – студенческой молодежи. Представленные результаты раскрывают особенности восприятия напряженности родительской роли, насыщенности ее стресс-факторами с учетом пола и ориентации на деторождение.

Практическая значимость. Полученные результаты способствуют пониманию закономерностей и факторов формирования представлений о стрессогенности родительства, его роли в репродуктивных планах студенческой молодежи. Могут быть использованы для обоснования программ по воспитанию, психологическому сопровождению в образовательных организациях.

Ключевые слова: родительство, студенческая молодежь, родительский стресс, интенсивное родительство, стрессогенность родительской роли, представления о родительстве, репродуктивные планы, ориентация на деторождение.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00678 (<https://rscf.ru/project/22-28-00678>).

Для цитирования: Тихонова И. В., Мисиюк Ю. В., Севастьянова У. Ю. Стрессогенность и интенсивность родительства в представлениях студенческой молодежи // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 10. С. 153–182. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-10-153-182

PARENTHOOD STRESSFULNESS AND INTENSITY IN THE STUDENTS' VIEWS

I. V. Tikhonova¹, Yu. V. Misiyuk², U. Yu. Sevastyanova³

Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: ¹inn.007@mail.ru; ²misiyuk@ysmu.ru; ³ulyanakostroma@mail.ru

Abstract. *Introduction.* There is an increase in young people's reproductive decisions in the form of conscious childlessness, deferred parenthood, and small families. The role of reproductive decision-making in the non-optimistic demographic forecast of the state actualises scientific research factors and conditions for the emergence of childbearing attitudes. Subjective factors, which determine fertile plans, are no less important than the objective ones (material, social). In the subjective picture of potential parenthood, the ideas about a stressful parenting role are of great importance. High demands are made to it and transmitted at the level of public expectations. This forms intensive education practice and a stable attitude towards the perception of fatherhood and motherhood long before the children's birth.

Aim. The present research aims to study the peculiarities of student ideas about the stressfulness and parental role intensity in the gender factor context and reproductive plans.

Methodology and research methods. The sample consisted of 364 childless students ($M = 19.43$ years). To achieve a study goal, the sample was divided by gender (218 girls and 146 boys) and by orientation

towards having children: childlessness ($n = 32$); large families ($n = 75$); having few children ($n = 257$). The following methods and techniques were used: authors' questionnaire; methodology "Parental Stress Scale" by J. O. Berry & W. H. Jones (1995) in the adaptation of Yu. V. Misiyuk, I. V. Tikhonova (2022); "Intensive Parenting Attitudes Questionnaire" by M. Liss, H. H. Schiffrin, V. H. Mackintosh, H. Miles-McLean, M. J. Erchull (2013) in the adaptation of Yu. V. Misiyuk (2022); the authors' version of a semi-structured interview, which studies the ideas of young people about the stressors of parental life in different periods of child development and stress intensity. The methods of statistical processing were employed.

Results. The authors revealed stressfulness specificity and parental stress intensity, their content depending on the orientation towards childbearing and gender roles. Child-free students associate parenthood with a high level of parental stress. It is unsatisfying, lacks resources, threatens to lose control over one's own life, and makes high demands on the necessity to stimulate children's development. Students oriented on having many children demonstrate a balanced view on parenthood stressfulness in terms of resources and costs. Students, focused on having few children, have an idea of moderate parental stressfulness. They point to such possible signs of parental stress as "loss of control" and "parental stressors".

Girls assess a parental stressfulness role higher than boys; they expect a lower satisfaction level, a high stress level during the periods of early and preschool child development. Girls demonstrate the severity of attitudes towards essentialism, and young men towards child-centrism. The essentialisation of parenthood strengthens the ideas about parenthood stressfulness, whereas the attitude towards getting pleasure from parenthood can be a protection factor.

Scientific novelty. For the first time, the characteristics of the stress of the parental role and attitudes towards intensive parenthood in the representations of students are studied. Their interrelation is investigated. The presented results reveal the peculiarities of the perception of the tension of the parental role, its saturation with stress factors, taking into account gender and orientation to childbearing.

Practical significance. The research outcomes contribute to the understanding of the patterns and factors of the formation of ideas about the stress of parenthood, its role in the reproductive plans of students. Also, the research results can be used in educational organisations to justify education programmes on parenting and psychological support.

Keywords: parenthood, student youth, parental stress, intensive parenting, stressful parental role, ideas about parenthood, reproductive plans, childbearing orientation.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-00678 (<https://rscf.ru/en/project/22-28-00678/>).

For citation: Tikhonova I. V., Misiyuk Yu. V., Sevastyanova U. Yu. Parenthood stressfulness and intensity in the students' views. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2023; 25 (10): 153–182. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-10-153-182

EL ESTRÉS Y LA INTENSIDAD DE SER PADRES DESDE LA PERSPECTIVA DE LA JUVENTUD ESTUDIANTIL

I. V. Tíjonova¹, Yu. V. Misiyuk², U. Yu. Sevastiánova³

Universidad Estatal de Kostromá, Kostromá, Rusia.

E-mail: ¹inn.007@mail.ru; ²misiyuk@ysmu.ru; ³ulyanakostroma@mail.ru

Abstracto. Introducción. El aumento de la determinación de los jóvenes respecto a la reproducción, expresada en la falta consciente de tener hijos, el ser padres tardíamente, la poca tenencia de hijos, y su papel en las previsiones del Estado sobre el aspecto demográfico menos optimista, ponen en primer plano la investigación científica sobre factores y condiciones para el surgimiento de actitudes que estimulen el sentido de ser padres. Los factores subjetivos que determinan los planes reproductivos no son menos

importantes que los objetivos (materiales, sociales). En la imagen subjetiva de ser padres potenciales, son de gran importancia las ideas sobre el estrés que implica ser padres de familia, cuyos altos requisitos se traducen al nivel de las expectativas sociales y dan lugar a las prácticas de la crianza intensiva, así como una actitud estable hacia la percepción del sentido de paternidad y maternidad mucho antes de la aparición de los hijos.

Objetivo. El objetivo del estudio ha sido estudiar las características de la visión de los jóvenes estudiantes sobre el estrés y la intensidad del papel de ser padres en el contexto del factor género y los planes reproductivos.

Metodología, métodos y procesos de investigación. La muestra estuvo compuesta por 364 estudiantes sin hijos ($M = 19,43$ años). Para lograr el propósito del estudio, la muestra se dividió por géneros (218 chicas y 146 chicos) y por inclinación a tener hijos: sin hijos ($n = 32$); por tener muchos hijos ($n = 75$); por tener pocos hijos ($n = 257$). Métodos y técnicas utilizados: cuestionario de autoría; metodología "Parental Stress Scale" J. O. Berry & W. H. Jones, 1995), versión rusa adaptada por Yu. V. Misiyuk, I. V. Tíjonova, 2022; técnica "Cuestionario intensivo de actitudes de ser padres" (M. Liss, H. H. Schiffrin, V. H. Mackintosh, H. Miles-McLean M. J. Erchull, 2013, adaptado por Yu. V. Misiyuk, 2022); la versión de autoría de entrevista semiestructurada (que estudia las ideas de los jóvenes sobre los factores estresantes de la vida de los padres en diferentes períodos del desarrollo infantil y la intensidad del estrés). Se utilizaron métodos de procesamiento estadístico.

Resultado. Se ha revelado la especificidad de las ideas sobre el estrés y la intensidad del ser padres, el estrés de los padres en diferentes períodos de la vida de los niños y su manutención, dependiendo de la inclinación hacia la procreación y los roles de género. Los estudiantes con inclinación "sin hijos" perciben el papel de ser padres como asociado a un alto nivel de estrés por parte de los padres de familia, que no trae satisfacción, escaso en términos de recursos, con la amenaza a perder el control sobre sus propias vidas y con grandes exigencias, incluida la necesidad de estimular el desarrollo de los niños. Los estudiantes centrados en tener muchos hijos demuestran una visión equilibrada del estrés del ser padres en términos de recursos y costos. Aquellos que se inclinan por tener pocos hijos tienen la idea de que el ser padres es moderadamente estresante, pero señalan posibles signos de estrés en este sentido como "pérdida de control" y "factores estresantes de los padres".

Las chicas valoran más el estrés del rol de ser padres que los chicos; esperan un menor nivel de satisfacción y un alto nivel de estrés durante los primeros años y en la edad preescolar del niño. Las chicas demuestran una actitud pronunciada hacia el esencialismo y los chicos demuestran un centrismo infantil. La esencialización del ser padres aumenta la influencia sobre las ideas sobre el estrés que ello implica, mientras que la inclinación hacia el disfrute del ser padres puede ser un factor protector.

Novedad científica. Por primera vez se han estudiado las características y se ha demostrado la relación entre el estrés del papel de ser padres y las actitudes hacia la intensidad en la crianza de los hijos desde la perspectiva de los potenciales padres (estudiantes). Los resultados presentados revelan las peculiaridades de la percepción de la tensión del papel de ser padres, su saturación con factores estresantes, teniendo en cuenta el género y la inclinación hacia la procreación.

Significado práctico. Los resultados obtenidos contribuyen a la comprensión de los patrones y factores en la formación de ideas sobre el estrés del ser padres, su papel en los planes reproductivos de los jóvenes estudiantes. Puede utilizarse para fundamentar programas de apoyo educativo y psicológico en organizaciones educativas.

Palabras claves: ser padres, juventud estudiantil, estrés de ser padres, intensidad de ser padres, estrés del papel de ser padres, perspectiva de ser padres, planes de reproducción, inclinación a la procreación.

Agradecimientos. El estudio fue apoyado por la subvención N° 22-28-00678 de la Fundación Rusa para la Ciencia (<https://rscf.ru/project/22-28-00678>).

Para citas: Тíjonova I. V., Мисийук Ю. В., Севастьянова У. Ю. El estrés y la intensidad de ser padres desde la perspectiva de la juventud estudiantil. *Образование и наука = Educación y Ciencia*. 2023; 25 (10): 153–182. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-10-153-182

Введение

Проблема снижения рождаемости как в России, так и в других странах изучается рядом наук, в том числе и психологией. Актуальность ее исследования подтверждается полученными за 2022 год данными Росстата, которые фиксируют негативную тенденцию, влияющую на перспективы стабильности общества и личности, проявляющуюся в увеличении количества женщин с ориентацией на малодетность¹. Признавая значительную роль материально-экономических и социальных факторов в репродуктивных планах людей, все же хотелось отметить значимость и субъективно-психологических факторов, опосредующих восприятие объективных условий потенциального родительства.

Стрессогенность как способность усиливать или вызывать стрессовые состояния присуща родительской роли, что доказано в многочисленных исследованиях [1]. При этом образ родительской роли как стрессогенной транслируется также и в поколении потенциальных родителей, что несомненно может отражаться на репродуктивных планах молодежи. Так выявлено, что у молодых людей с установкой на осознанную бездетность существует восприятие жизни с детьми как сопряженной с нестабильностью, нарушением «покоя», блокированием самореализации [2]. И даже большая часть планирующих деторождение молодых людей признает родительство ответственной и трудной работой, требующей напряжения и значительных затрат времени и сил, считает, что быть хорошим родителем сложнее, чем руководителем крупной организации [3].

Сопряженность субъективной картины родительства с репродуктивными установками и планами придает проблеме представлений потенциальных родителей о стрессогенности родительской роли особую актуальность и социальную значимость, определяет ее как одну из ключевых составляющих ориентаций на деторождение. Важным является изучение данных представлений, обнаружение закономерностей и факторов их формирования, так как это может способствовать раннему выявлению рисков и определению мишеней педагогического и психологического воздействия по оптимизации репродуктивных установок.

Целью исследования стало изучение представлений студенческой молодежи о стрессогенности и интенсивности родительской роли. В рамках публикации представлены эмпирические данные, реализующие указанную цель в контексте гендерного фактора и репродуктивных планов. Рассматривались следующие исследовательские вопросы:

Существует ли специфика восприятия уровня родительского стресса и выраженности его симптомов (потеря контроля, неудовлетворенность, требования-стрессоры и родительский ущерб/ограничения) в зависимости от

¹ Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 году. Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html

ориентаций на деторождение и пола студентов? Как студенты представляют стресс-факторы родительской жизни и имеются ли особенности представлений о стрессорах, существующих в жизни родителей детей разного возраста, у юношей и девушек, студентов с различными планами на деторождение? Существует ли разница в установках на интенсивность воспитательных практик между юношами и девушками, студентами, планирующими мало-, много- и бездетность? Существует ли связь между выраженностью ориентаций на интенсивные практики воспитания детей у студентов и представлениями о стрессогенности родительской роли? Какие установки на интенсивность оказывают значимое влияние на представления об общем уровне стресса в родительской роли и его симптомах?

Обзор литературы

Роль родителя в настоящее время оценивается как противоречивая, приносящая кроме удовольствия значительные ограничения и тяготы. В исследованиях констатируется, что появление и наличие детей не повышает, а при некоторых условиях понижает удовлетворенность жизнью и уровень счастья родителя [4]. Среди факторов, определяющих субъективную картину родительской роли, важным вектором исследования становится изучение ее стрессогенности как способности вызывать или усиливать стресс и напряжение. Родительский стресс определяется как реакция в виде эмоциональных переживаний, связанных с неудовлетворенностью от реализации родительской роли [5]. Он формируется вследствие дисбаланса между восприятием требований родительства и наличных ресурсов у родителей, возникает, когда требования, предъявляемые к роли родителя, слишком высоки для личности. В качестве стресс-факторов родительства традиционно рассматриваются: характеристики ребенка, личностные особенности, социально-демографические характеристики родителя, физиологические условия [6].

Среди современных исследований отмечается исследовательский интерес к социально-психологическим факторам стрессогенности родительства. Так доказано влияние чувства самоэффективности на уровень родительского стресса [7], некоторые исследования показали, что родители могут проявлять негативные аффективные реакции, такие как повышенный стресс или чувство вины на давление со стороны быть идеальной матерью для женщин, и вовлеченностью в аспекты воспитания для мужчин [8].

Новейшие тенденции в образовании и уходе за детьми определяют атрибуты оценки успешности выполнения родительской роли [9]. Современные мужчины и женщины, ориентированные на родительство, чувствуют давление со стороны общества, побуждающее их следовать стандартам воспитания с высокой степенью участия, сосредоточив внимание на потребностях своих детей, практически исключая все личные сферы жизни. Данный подход к воспитанию концептуализирован в западной психологии как «интенсивное родительство» [10].

Интенсивное родительство как модель поведения может выступать стрессогенным фактором родительской роли и оказывать негативное влияние на психическое здоровье родителей [11, 12]. Центральная идея интенсивного родительства сосредоточена на убежденности, что воспитание ребенка – это преимущественно материнская обязанность, именно женщина по праву пола является «основным» родителем, способным качественно заботиться о ребенке, и является ответственным за его развитие [10]. Данная родительская установка обобщена понятием «эссенциализм», в основе которой выступает гендерный подход к родительской роли, констатирующий наличие биологически и психологически обусловленных врожденных качеств женщин и мужчин, которые лежат в основе различий в реализации родительства [13]. Выраженность подобных взглядов усиливает стрессогенность родительской роли: исследования показывают, что восприятие большей поддержки со стороны партнера в развитии родительских задач будет связано с меньшим стрессом от родительской роли [14].

Родители ответственны за все, что происходит с ребенком, и главная задача воспитания лежит в обеспечении оптимального когнитивного развития посредством стимуляции развития детей с самого раннего возраста для формирования «конкурентоспособности» в будущем. Это реализуется в сферах академической успеваемости, развитии талантов ребенка и эмоционального комфорта. Детоцентрированность этого стиля родительства предполагает чуткое реагирование на потребности и желания детей, требующее жертвовать собственным временем и интересами. Это изнурительный труд по формированию успешности ребенка начинается рано, иногда с момента беременности и сопровождает родителей даже взрослых детей [15], включает убежденность в том, что родительская роль требует много физических, эмоциональных, финансовых затрат, требуя участия в соревновательной практике среди родителей по созданию «успешных детей» и является крайне трудной для реализации. Несмотря на все трудности, родительство приносит эмоциональное удовлетворение и является частью личности и важной сферой жизни – вариантом самореализации.

Высокие требования и «интенсивность» родительской роли транслируются на уровне общественных ожиданий, СМИ, специалистов в области детско-родительских отношений и формируют устойчивое отношение к восприятию отцовства и материнства задолго до появления детей. Опираясь на возрастающее значение снижения репродуктивных планов, увеличения количества добровольных отказов от деторождения и отложенного родительства, представляется значимым изучение субъективной картины потенциального родительства, ее влияния на репродуктивные планы и факторы ее определяющие.

Представления о родительстве у молодежи довольно активно исследовались в отечественной психологической науке. Но лишь отдельные научные работы опосредовано изучали признаки стрессогенности родительской роли в восприятии современной молодежи. Так, определено, что наличие конфликтности образа родителя обуславливает у молодых людей и девушек выбор более мягких, сбалансированных характеристик для себя в роли родителя [16].

Традиционными для респондентов, не имеющих детей, являются представления о необходимости обладания большими эмоциональными, временными ресурсами, физической выносливостью, чтобы реализовать себя как хорошего родителя [17]. В качестве факторов, влияющих на формирование восприятия «проблемности» родительства у молодых людей, отмечаются адекватность представлений о родительской роли, а также опыт детско-родительских отношений [18].

В зарубежной психологической науке теме субъективной картины родительства у молодежи внимания практически не уделяется, но широко обсуждается взаимосвязь между отношением к гендерным ролям и репродуктивными установками, роль социально демографических факторов в репродуктивных планах. Гендерно-ролевые установки в общественной сфере и в контексте родительских ролей рассматриваются как формирующиеся в детстве, но остающиеся достаточно стабильными на протяжении всей жизни. Они определяют последующие убеждения и предпочтения в отношении родительства. При этом гендерно-равноправные установки, связанные с общественной сферой, более распространены, чем установки, касающиеся роли матери или отца в семье [19]. Значимыми факторами, влияющим на отношение к гендерным ролям и репродуктивные планы, признаются социальный и экономический статус потенциальных родителей. Например, молодые люди, сознательно решившие остаться бездетными, демонстрируют некоторую степень сходства в демографических характеристиках [20], с большей вероятностью останутся бездетными по мере улучшения их социально-экономического статуса [21], вероятности карьерного роста [22], принятия более либеральных и эгалитарных взглядов на мир [23].

Таким образом, анализ современных отечественных и зарубежных исследований лишь косвенно позволяет судить о представлениях молодежи, связанных с восприятием стрессогенности родительской роли. Следует подчеркнуть, что изучение ковариат стрессогенности и интенсивности родительской роли в исследованиях представлено лишь на выборке родителей, имеющих детей, при этом образ родительства транслируемый общественными ожиданиями формируется в сознании молодежи (потенциальных родителей) и определяет отношение к потенциальному родительству, восприятию себя в этой роли, следовательно, и репродуктивные установки [24]. Данное противоречие формирует перспективную область научного поиска, частично реализуемого в настоящей статье, что позволяет в некоторой степени компенсировать существующие пробелы современных исследований как в России, так и в зарубежной психологии, комплексно рассмотреть представления молодежи в отношении родительства с акцентом на восприятии его стрессогенности и «интенсивности».

Методология, материалы и методы

Выборка состояла из 364 бездетных студентов, которые получают педагогическое, медицинское, социологическое, инженерно-техническое образова-

ние в высших учебных заведениях Костромы и Ярославля. Из них 218 девушек (59,9 % выборки) и 146 юношей (40,1 % выборки). Средний возраст составил 19,43 (станд. откл 1,87). Исследование проводилось с сентября 2022 года по март 2023 года.

В исследовании использовались следующие методы и методики:

– авторская анкета, включающая социально-демографический и социально-психологический раздел;

– методика «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» J. O. Berry & W. H. Jones, 1995), русскоязычная версия в адаптации Ю. В. Мисюк, И. В. Тихоновой, 2022, выявляющая общий уровень родительского стресса не зависимо от социально-демографических и ситуативных показателей, а также позволяющая определить выраженность параметров родительского стресса (родительские стрессоры, потерю контроля, родительское вознаграждение/ущерб; родительскую удовлетворенность/неудовлетворенность);

– методика «Опросник установок на интенсивное родительство» (Intensive Parenting Attitudes Questionnaire, M. Liss, H. H. Schiffrin, V. H. Mackintosh, H. Miles-McLean M. J. Erchull, 2013) в адаптации Ю. В. Мисюк 2022, диагностирующая выраженность установок на интенсивное родительство, к которым относятся: эссенциализм, удовлетворенность, трудности, стимуляция и детоцентрированность;

– авторский вариант полуструктурированного интервью (содержащего вопросы открытого и закрытого типа, приемы шкалирования по «стресс-термометру» и выбора из перечня родительских трудностей), изучающего представления молодых людей о стрессорах родительской жизни в разные периоды развития ребенка и интенсивности стресса;

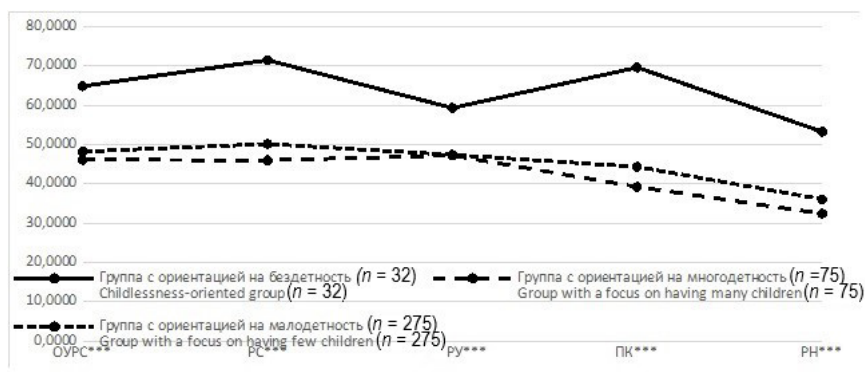
– методы статистической обработки полученных данных, вычислялся *U*-критерий Манна-Уитни, *H*-критерий Краскела-Уоллиса, критерий χ^2 г Фридмана, коэффициент корреляции *r*-Спирмена. Статистическая обработка проводилась с использованием программы SPSS 20.

Инструкции к опросникам подлежали модификации, респондентам предлагали давать ответы с точки зрения представлений о гипотетических отношениях с будущим ребенком. Дизайн исследования предполагал применение указанных методов и методик на всей выборке ($n = 364$) с последующим анализом с учетом фактора пола и ориентацией на деторождение. Но в данной публикации представлена часть эмпирических данных, полученных с помощью анкеты и интервью.

Для достижения цели исследования выборка была разделена по половому признаку (218 девушек и 146 юношей). С учетом ориентации на рождение детей выделено три эмпирические группы: 1) с ориентацией на бездетность («чайлд-фри») – 32 респондента заявили о нежелании иметь детей; 2) с ориентацией на многодетность – 75 студентов отметили намерение иметь 3 и более детей; 3) с ориентацией на классическую структуру семьи, имеющую 1–2 ребенка (малодетность) – в эту группу оказались включены 257 респондентов.

Результаты исследования

Результаты исследования представлений о родительском стрессе с помощью опросника «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» J. O. Berry & W. H. Jones, 1995) адаптация Ю. В. Мисиюк, И. В. Тихонова, 2021) у молодых людей, декларирующих разную ориентацию на деторождение, выявило значимые различия (Н-критерий Краскелла-Уоллиса) по субшкалам: «родительские стрессоры» ($p = 0,000$), «родительский ущерб» ($p = 0,000$) «потеря контроля» ($p = 0,000$), «родительская неудовлетворенность» ($p = 0,000$) и «общий уровень родительского стресса» ($p = 0,000$) (рис. 1).

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

Note. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

ОУРС – общий уровень родительского стресса; РС – родительские стрессоры; РУ – родительское вознаграждение/ущерб; ПК – потеря контроля; РН – родительская удовлетворенность/неудовлетворенность

OUPC – general level of parental stress; PC – parental stressors; PY – parental reward/damage; PK – loss of control; PH – parental satisfaction/dissatisfaction

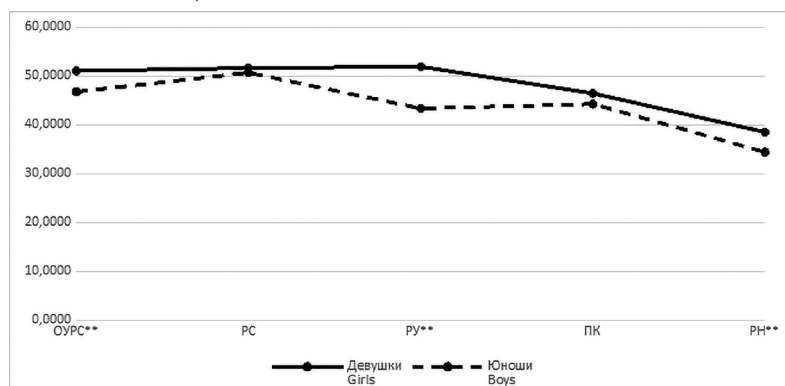
Рис. 1. Показатели выраженности (% от max значений субшкалы) параметров родительского стресса в представлениях студентов с разной ориентацией на деторождение

Fig. 1. Severity indicators (% max subscale values) of parental stress parameters in the student perceptions with different childbearing orientations

Мы видим, что максимальная стрессогенность родительской роли определяется в представлениях студентов, говорящих о нежелании иметь детей. Они отмечают высокий уровень общей выраженности родительского стресса ($n = 32$; $m = 58,44$ или $64,93$ % от максимального балла). В «профиле» его выраженности мы можем отметить превалирование показателей, связанных с требованиями и ограничениями родителя: «Родительские стрессоры» ($m = 21,47$ или $71,56$ %) и «Потеря контроля» ($m = 13,94$ или $69,69$ %).

У респондентов, для которых предпочтительной формой семьи является многодетная, профиль родительского стресса самый низкорасположенный.

Студенты, ориентированные на рождение 1–2 детей, не имеют достоверно повышенных показателей общего уровня родительского стресса в сравнении с группой молодежи, желающих иметь много детей. Так же, как они не отличаются по параметру «Родительский ущерб/вознаграждения». То есть эти респонденты представляют родительскую роль как умеренно стрессогенную, имеющую ресурс в виде получения позитивных эмоций, удовольствия от родительства. Чего не наблюдается у студентов ориентации «чайлд-фри». Представления о родительстве респондентов, предпочитающих многодетность и малодетность разнятся по параметрам «Родительских стрессоров» ($m = 13,81$ или 46,04 % и $m = 15,00$ или 50,19 % соответственно), «Потеря контроля» ($m = 7,85$ или 39,26 % и $m = 8,88$ или 44,37 % соответственно), «Родительская неудовлетворенность/удовлетворенность» ($m = 5,84$ или 32,44 % и $m = 6,60$ или 36,10 % соответственно).

Примечание: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Note. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

ОУРС – общий уровень родительского стресса; РС – родительские стрессоры; РУ – родительское вознаграждение/ущерб; ПК – потеря контроля; РН – родительская удовлетворенность/неудовлетворенность

ОУРС – general level of parental stress; РС – parental stressors; РУ – parental reward/damage; ПК – loss of control; РН – parental satisfaction/dissatisfaction

Рис. 2. Показатели выраженности (% от max значений субшкалы) родительского стресса в представлениях юношей и девушек

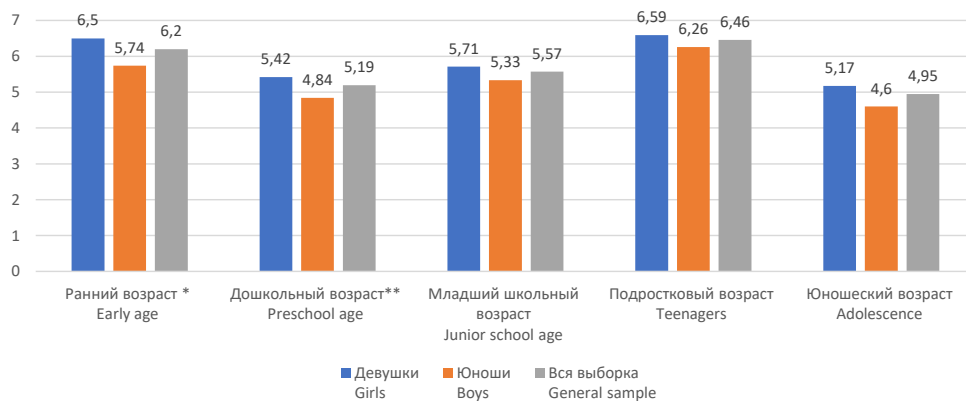
Fig. 2. Severity indicators (% max subscale values) of parental stress in boys and girls conceptions

Исследование представлений о стрессе в роли родителя у юношей и девушек (рис. 2) показывает умеренную степень его выраженности ($n = 364$; $m = 44,37$ или 49,3 % от максимального балла). При сравнительном анализе представлений о родительском стрессе у девушек и юношей были выявлены значимые различия (по U-критерию Манна-Уитни) по шкалам: «Общий уровень родительского стресса» ($p = 0.004$), «Родительская удовлетворенность/

родительский ущерб» ($p = 0.001$) и «Родительская удовлетворенность/неудовлетворенность» ($p = 0.009$), где показатели выше у девушек. Для девушек свойственно представлять родительскую роль как более стрессогенную, они предполагают, что будут менее удовлетворены собой как родителем, и чаще испытывать неудовольствие и негативные эмоции в родительской роли, чем юноши. Но в показателях представлений о «Родительских стрессорах» и «Потере контроля» достоверных различий выявлено не было, что говорит о понимании наличия требований, предъявляемых родительской ролью, их стрессогенности, а также необходимости ограничения личной свободы как юношами, так и девушками.

Нами исследовались представления студенческой молодежи о родительском стрессе в разные периоды развития ребенка, полученные с помощью полуструктурированного интервью. Для этого использовался прием стресс-термометра. Достоверно значимых различий в представлениях о выраженности родительского стресса в разные возрастные периоды ребенка между представителями молодежи с разной ориентированностью на деторождение не было выявлено.

Мы можем отметить, что в общей выборке студентов (рис. 3) представления о родительском стрессе в различные периоды развития ребенка имеют достоверные отличия. (Критерий Фридмана, $\chi^2 = 845,28$, $p = 0.000$). Респонденты отмечают наибольшую стрессогенность раннего ($m = 6,2$) и подросткового периода ($m = 6,46$) развития ребенка, в то время как роль родителя ребенка дошкольника и юноши представляется студентам наименее стрессовой.

Примечание: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Note. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Рис. 3. Показатели выраженности родительского стресса в разные возрастные периоды развития ребенка в представлениях девушек и юношей

Fig. 3. Severity indicators of parental stress in different age periods of child development in girls and boys points of view

Гипотетический родительский стресс в разные периоды развития ребенка оценивается девушками выше, чем студентами – юношами. Однако, статистически значимые различия были выявлены в их представлениях о выраженности родительского стресса в период раннего развития ребенка ($p = 0,01$) и дошкольного детства ($p = 0,005$). Девушки представляют эти периоды как более напряженные, когда требования к родительской роли превышают имеющиеся ресурсы.

С помощью раздела полуструктурированного интервью, содержащего разработанный перечень родительских стресс-факторов, нами изучены представления о трудностях и проблемах, которые могут возникать в разные периоды родительской жизни и выступать в качестве стрессора, определены особенности таких представлений в группах с разной ориентацией на деторождение (табл. 1) и группах юношей и девушек (табл. 2).

Таблица 1
 Показатели выраженности стрессоров родительской жизни в представлениях молодежи с разной ориентацией на деторождение

Table 1
 Severity indicators of parental life stressors in young people's perceptions with different orientations towards childbearing

Группа <i>Group</i>	Группа с ориентацией на бездетность ($n = 32$) <i>Childlessness-oriented group</i> ($n = 32$)	Группа с ориентацией на многодетность ($n = 75$) <i>Group with a focus on having many children</i> ($n = 75$)	Группа с ориентацией на малодетность ($n = 275$) <i>Group with a focus on having few children</i> ($n = 275$)
Ранний возраст <i>Early age</i>			
Материальные проблемы ** <i>Financial problems **</i>	0,563	0,366	0,266
Дошкольный возраст <i>Preschool age</i>			
Здоровье ребенка ** <i>Child health **</i>	0,719	0,667	0,510
Трудности воспитания *** <i>Difficulties of education ***</i>	0,750	0,391	0,606
Разногласия между супругами ** <i>Disagreements between spouses **</i>	0,344	0,116	0,167
Разногласия с прародителями *** <i>Disagreements with grandparents ***</i>	0,438	0,101	0,135
Здоровье родителя ** <i>Parent health **</i>	0,375	0,174	0,187
Младший школьный возраст <i>Junior school age</i>			
Здоровье ребенка* <i>Child health *</i>	0,531	0,500	0,360

Разногласия с прародителями *** <i>Disagreements with grandparents</i> ***	0,406	0,074	0,116
Материальные проблемы ** <i>Financial problems</i> **	0,469	0,265	0,199
Здоровье родителя ** <i>Parent health</i> **	0,313	0,103	0,168
Подростковый возраст <i>Teenagers</i>			
Трудности общения с ребенком ** <i>Difficulties in communicating with a child</i> **	0,406	0,618	0,689
Проблемы режима * <i>Mode issues</i> *	0,531	0,382	0,458
Трудности взаимоотношений с педагогами ** <i>Difficulties in relationships with teachers</i> **	0,250	0,632	0,518
Разногласия между супругами *** <i>Disagreements between spouses</i> ***	0,500	0,119	0,151
Разногласия с прародителями *** <i>Disagreements with the grandparents</i> ***	0,438	0,088	0,171
Материальные проблемы * <i>Financial problems</i> *	0,406	0,191	0,223
Проблемы в образовательной организации * <i>Problems in the educational organization</i> *	0,500	0,382	0,283
Здоровье родителя * <i>Parent health</i> *	0,281	0,088	0,179

Примечание. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Note. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

В представлениях о проблемах родителей детей раннего возраста не отмечается статистически значимая специфика в зависимости от ориентации на деторождение. Все студенты к приоритетным выраженным трудностям и стрессорам относили: развитие ребенка, его физическое здоровье, материальные проблемы и эмоциональное состояние родителя.

Студенты с ориентацией на бездетность отмечают большее количество родительских проблем, чем респонденты других групп. Анализ показывает, что именно в данной выборке важными стрессорами являются материальные проблемы, как гипотетические они часто отмечаются и в раннем, и в младшем школьном, и в подростковом возрасте. Трудности воспитания и здоровье ребенка в дошкольном возрасте предполагают более 70 % студентов с тенденцией «чайлд-фри». Также довольно часто встречаются стрессоры, связанные с трудностями отношений: с собственными родителями (бабушки-дедушки) и партнером (супругом), представителями образовательной организации, но меньше, чем других студентов, беспокоят проблемы взаимоотношений с ребенком-подростком и его педагогами. Респонденты этой группы ожидают

проблемы со здоровьем родителя, что редко рассматривается как стрессор у молодых людей из других групп.

В группе с ориентацией на многодетность определяется специфический «набор» предполагаемых родительских стрессоров. В дошкольном и школьном возрасте значимыми стрессорами является здоровье ребенка (более 50 % респондентов), а в подростковом трудности общения с ребенком и взаимоотношений с педагогами. Студентов, выказывающих намерение иметь много детей, практически не беспокоят трудности воспитания дошкольника, разногласия с супругом и родителями, а также собственное здоровье (потенциального родителя).

Особенностями представлений о родительских стрессорах молодежи с ориентацией на малодетность является довольно высокие показатели гипотетических стрессоров в подростковом возрасте: трудности общения, проблемы режима и взаимоотношений с педагогами.

Гендерный ракурс исследования представлений о возможных родительских стрессорах показал, что особенностей их восприятия с учетом пола респондента значительно меньше, чем с учетом ориентации на деторождение (табл. 2).

Таблица 2

Показатели выраженности стрессоров родительской жизни в представлениях юношей и девушек

Table 2

Severity indicators of parental life stressors in the boys and girls ideas

Стрессоры <i>Stressors</i>	Девушки <i>Girls</i>	Юноши <i>Boys</i>
Ранний возраст <i>Early age</i>		
Трудности ухода** <i>Care difficulties**</i>	0,659	0,486
Эмоциональное состояние родителя*** <i>Emotional state of the parent***</i>	0,650	0,408
Здоровье родителя*** <i>Parent health***</i>	0,442	0,239
Дошкольный возраст <i>Preschool age</i>		
Развитие и обучение ребенка** <i>Child development and education**</i>	0,366	0,230
Эмоциональное состояние родителя* <i>Emotional state of a parent*</i>	0,387	0,281
Младший школьный возраст <i>Junior school age</i>		
Проблемы ухода и режима* <i>Problems of care and regime*</i>	0,189	0,291

Проблемы учебы и успеваемости* <i>Problems of study and achievement*</i>	0,650	0,515
Эмоциональное состояние родителя* <i>Emotional state of the parent*</i>	0,313	0,201
Подростковый возраст <i>Teenagers</i>		
Трудности общения с ребенком* <i>Difficulties communicating with a child*</i>	0,691	0,582
Юношеский возраст <i>Adolescence</i>		
Отношения с противоположным полом* <i>Relationships with the opposite sex*</i>	0,659	0,530
Эмоциональное состояние родителя* <i>Emotional state of the parent*</i>	0,301	0,194

Примечание. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Note. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Важно отметить, что уже нет акцента на сложностях подросткового возраста, но появляется специфичность восприятия стрессоров раннего и юношеского возраста.

Девушки в целом указывают на большее количество возможных родительских трудностей, чем юноши. Неожиданным исключением является оценка значимости стрессора родителей младшего школьного возраста «проблемы ухода и режима». Вероятно, это можно связать с пониманием усиления роли отца при поступлении ребенка в школу и необходимости участия в режимных моментах.

В профиле родительских стрессоров у потенциальных матерей лидерами являются проблемы ухода и эмоционального состояния родителя в раннем возрасте ребенка, проблемы успеваемости в его младшем школьном возрасте, трудности общения с подростком и отношения с противоположным полом у «ребенка» юношеского возраста. Студенты мужского пола аналогичным образом расставляют вероятность данных трудностей в образе своего потенциального родительства.

Исследование установок на интенсивное родительство среди российской молодежи демонстрирует среднюю степень их выраженности (табл. 3).

Таблица 3

Показатели выраженности установок на интенсивное воспитание у
 потенциальных родителей в исследуемой группе

Table 3

Expressiveness indicators of attitudes towards intensive upbringing among potential parents
 in the study group

		Эссенциализм <i>Essentialism</i>	Удовлетворен- ность <i>Fulfillment</i>	Стимуляция <i>Stimulation</i>	Трудности <i>Challenging</i>	Детоцентриро- ванность <i>Child-Centredness</i>
Общая выборка / <i>General sample</i>						
<i>n</i> = 364	Средние значения <i>Average values</i>	22,48	17,07	18,74	26,75	11,37
	Стд. отклонение <i>Standard deviation</i>	5,62	3,53	3,11	3,5	2,43
	Выраженность в процентах <i>Percentage</i>	46,8%	71,1%	78,1%	74,3%	63,2%
Эмпирические группы с учетом ориентации на деторождение <i>Empirical groups based on childbearing orientation</i>						
Ориентация на бездетность <i>Childlessness- oriented group</i> (<i>n</i> = 32)	Средние значения <i>Average values</i>	23,25	12,59***	17,56*	28,03	11,63
	Стд. отклонение <i>Standard deviation</i>	6,35	3,54	3,75	4,09	2,8
	Выраженность в процентах <i>Percentage</i>	48,4%	52,4%	73,2%	77,9%	64,6%
Ориентация на многодетность <i>Group with a focus on having many children</i> (<i>n</i> = 75)	Средние значения <i>Average values</i>	21,97	18,41	19,59	26,76	11,43
	Стд. отклонение <i>Standard deviation</i>	5,61	3,06	2,81	3,44	2,47
	Выраженность в процентах <i>Percentage</i>	45,8%	76,7%	81,6%	74,3%	63,5%
Ориентация на малодетность <i>Group with a focus on having few children</i> (<i>n</i> = 275)	Средние значения <i>Average values</i>	22,54	17,24	18,63	26,59	11,33
	Стд. отклонение <i>Standard deviation</i>	5,53	3,22	3,06	3,42	2,37
	Выраженность в процентах <i>Percentage</i>	46,9%	71,8%	77,6%	71,4%	62,9%
Эмпирические группы с учетом пола <i>Empirical gender groups</i>						
Девушки <i>Girls</i> (<i>n</i> = 218)	Средние значения <i>Average values</i>	23,69***	16,95	18,7	26,71	10,87***
	Стд. отклонение <i>Standard deviation</i>	5,16	3,64	2,89	3,43	2,28
	Выраженность в процентах <i>Percentage</i>	49,3%	70,6%	77,9%	74,2%	60,3%

Юноши Boys (n = 146)	Средние значения <i>Average values</i>	20,68	17,26	18,79	26,82	12,12
	Стд. отклонение <i>Standard deviation</i>	5,81	3,36	3,43	3,6	2,45
	Выраженность в процентах <i>Percentage</i>	43,1%	71,9%	78,3%	74,5%	67,3%

Примечание. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Note. * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

И юноши, и девушки отмечают необходимость стимуляции развития ребенка ($n = 364$; $m = 18,74$, или 78,1 % от максимального балла), оценивают родительскую роль как трудозатратную, эмоционально и физически истощающую ($m = 26,75$ или 74,3 % от максимального балла). При этом выражают готовность к получению удовольствия от отцовства и материнства ($m = 17,07$ или 71 % от максимального балла). Наименьшую поддержку среди опрошенных находят установки эссенциализма – идеи о том, что матери по своей природе (в отличие от отцов) имеют родительское преимущество и несут главную ответственность за будущее своих детей ($m = 22,48$ или 46,8 % от максимального балла).

При сравнении эмпирических групп с разной ориентацией на деторождение установлено, что молодые люди с «ориентацией на многодетность» (21 % от общей выборки) демонстрируют наибольшую готовность среди остальных групп к получению удовольствия от родительства ($n = 75$; $m = 18,41$ или 76,7 % от максимального балла) и стимуляцию развития ($m = 19,59$ или 81,6 % от максимального балла).

Эмпирическая группа с «ориентацией на бездетность» составляет 8,8 % ($n = 32$) от общей выборки, но представляет наибольший научный интерес с точки зрения восприятия стрессогенности родительской роли. У них выявлены самые высокие показатели среди групп по шкалам эссенциализма, трудностей и детоцентризма, и самые низкие по шкалам удовлетворенность и стимуляция.

Статистически значимые различия при помощи Н-критерий Краскала-Уоллиса между группами, имеющими разную ориентированность на деторождение были выявлены по таким установкам как «удовлетворенность» ($p = 0,000$) и «стимуляция» ($p = 0.013$).

Гендерный подход в анализе выраженности установок на интенсивное родительство демонстрирует достоверные различия у студентов разного пола по показателям «эссенциализма» ($p = 0.000$) и «детоцентризма» ($p = 0.000$). Убежденность в том, что забота о детях – это преимущественно женская обязанность значимо выше в группе девушек. Она обуславливает представления девушек о роли матери, предполагающие выполнение большей части нагрузки по выполнению домашних обязанностей и одновременному уходу за ребенком. Это вероятно может стать установкой, которая определяет более высокий уровень стрессогенности родительской роли в представлениях потенциальных матерей.

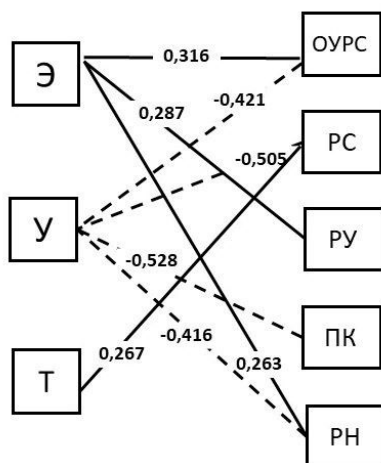

Рис. 4. Корреляционные плеяды, характеризующие взаимосвязь показателей родительского стресса и установок на интенсивность родительства ($p < 0,05$):

Э – эссенциализм, У – удовлетворенность, Т – трудности, ОУРС – общий уровень родительского стресса; РС – родительские стрессоры; РУ – родительское вознаграждение/ущерб; ПК – потеря контроля; РН – родительская удовлетворенность/неудовлетворенность

Fig. 4. Correlation pleiades characterising the relationship between indicators of parental stress and attitudes towards the intensity of parenthood ($p < 0.05$):

E – essentialism, Y – Fulfillment, T – Challenging, ОУРС – general level of parental stress; РС – parental stressors; РУ – parental reward/damage; ПК – loss of control; РН – parental satisfaction/dissatisfaction

Анализ взаимосвязи выраженности установок на интенсивное родительство и составляющих родительского стресса на основе коэффициентов корреляции демонстрирует, что эссенциальные установки повышают общий уровень родительского стресса ($p < 0.001$), родительскую неудовлетворенность ($p < 0.001$), родительский ущерб ($p < 0.001$). То есть представления о высокой значимости роли матери (соответственно отстраненности отца) в воспитании детей повышает выраженность восприятия напряженности родительской роли, насыщенности ее эмоциональными переживаниями, низкой удовлетворенности и удовольствия от ее реализации. В свою очередь представления о трудности и трудозатратности родительской роли может повышать воспринимаемый уровень родительских стрессоров – требований, предъявляемых к роли родителя.

Готовность получать эмоциональное вознаграждение от родительства как центральный вектор ориентации на деторождение снижает общий уровень

родительского стресса ($p < 0.001$), смягчает требования, предъявляемые родительской ролью и нивелирует родительские стрессоры ($p < 0.001$), снижает переживание утраты контроля над своей жизнью в результате появления ребенка ($p < 0.001$), повышает удовлетворение собой как родителем ($p < 0.001$).

Обсуждение

Результаты исследования особенностей восприятия стрессогенности родительства с учетом ориентации на деторождение позволяют говорить о выраженной противоречивости образа родительской роли студентов, имеющих в репродуктивных планах бездетность и многодетность. Полученные нами данные согласуются с мнением В. Р. Ушаковой о том, что ситуация стресса в родительстве для лиц с положительной установкой на деторождение менее выражена, чем для группы, ориентированной на бездетность [25].

Юноши и девушки *ориентации «чайлд-фри»*, представляющие наибольший исследовательский интерес, воспринимают родительскую роль не просто как напряженную, связанную с высоким уровнем родительского стресса, негативными эмоциональными переживаниями. Но и как дефицитную с точки зрения ресурсов, несущую угрозу потери контроля над собственной жизнью, предъявляющую высокие требования, которым сложно соответствовать. Такое представление не характеризуется предполагаемой спецификой стрессогенности конкретного возрастного периода развития ребенка, то есть не связано с образом ребенка и его поведения, но, вероятно, может быть сопряжено с представлениями о стрессорах родительства. Так представители ориентации на добровольную бездетность, более чем другие студенты, озабочены материальными трудностями, возможными проблемами с собственным здоровьем, сложностями в семейных отношениях. Это подталкивает к предположению о наличии негативного детского личного опыта, однако требует дальнейших уточнений и исследований.

Группа молодежи с *ориентацией на многодетность* демонстрирует сбалансированное представление о стрессогенности родительства. Они, с одной стороны признают наличие трудностей и стрессоров, но с другой отмечают и наличие возможностей их компенсации через получение удовольствия и достижения родительской удовлетворенности. Это в итоге нивелирует тяготы родительства и не дает высоких оценок родительского стресса при потенциальном родительстве, делает многодетность желанной. Анализ специфики стрессоров в этой группе респондентов создает образ готовности к родительской жертвенности, при которой проблемы самого родителя не столь важны, как проблемы ребенка. Мы это видим по редким выборам стрессоров, связанных с родителем (здоровье, эмоциональное состояние), пониманием возможных материальных издержек и актуальностью стрессоров, связанных с ребенком. При этом ключевую значимость приобретает наличие социальных ресурсов, к которым предполагает обращаться потенциально многодетный респондент. Об этом свидетельствует прогнозирование редких стрессовых

ситуаций, связанных с социальными отношениями, что наводит на мысль о позитивной роли семьи в формировании представлений о стрессогенности родительства.

Студенты, репродуктивные планы которых включают *малодетность*, в восприятии стрессогенности родительской роли радикально не отличаются от ориентированных на многодетность. Однако для них свойственно представлять родительство скорее, как роль не позволяющую приносить полное удовлетворение, накладывающую ограничения на личность. Они ожидают возникновения стрессоров подросткового возраста и трудности воспитания, и реже остальных предполагают материальные проблемы. Вероятно, выбор малодетности представляет собой способ разрешения ценностного конфликта «дети – личностная свобода».

Важным выводом при анализе данной части исследования, на наш взгляд, является констатация роли таких показателей родительского стресса как «родительские стрессоры» и «потеря контроля». Они имеют специфическую выраженность в каждой из описанных эмпирических выборок, указывают на предполагаемые ограничения, которые может испытывать потенциальный родитель. Это дефициты времени, сил, энергии, возможности распоряжаться собой. Вероятно, именно эти представления могут оказывать влияние на выбор репродуктивной ориентации.

Учет гендерного фактора в восприятии стрессогенности родительской роли студентами подтверждает полученные другими авторами данные о достоверно низком уровне стресса отцов, относительно матерей, а также меньшем чувстве их родительской некомпетентности и тревожности [26]. Аналогичная закономерность обнаружена и у потенциальных отцов и матерей. Юноши демонстрируют меньший уровень стрессогенности родительской роли, предполагают более высокую родительскую удовлетворенность и эмоциональную вознаграждаемость. Девушки не только воспринимают потенциальный уровень родительского стресса как более высокий, но и указывают на дисбаланс, при котором тяготы родительства не компенсируются в полной мере его преимуществами. Для девушек высокий уровень стресса ожидается в периоды раннего и дошкольного развития ребенка. Они предполагают возможные стрессоры, связанные с собственным здоровьем и эмоциональным состоянием, заранее определяют свой вклад в развитие ребенка значительно выше, чем юноши, уже в этом демонстрируют эссенциальные установки. Потенциальные матери отмечают большое количество гипотетических стрессовых ситуаций при воспитании ребенка. Все это косвенно указывает на тревожное отношение к потенциальному родительству, связанное с осознанием высокой ответственности, решающего вклада матери в воспитание ребенка. Но, с другой стороны, это показывает, что еще даже на этапе формирования репродуктивных планов девушки имеют установку на некомпетентность потенциальных отцов и неравноправие в распределении ответственности.

Полученные результаты о связи установок на интенсивность с представлениями о родительском стрессе позволяют рассматривать воспринимаемую студентами «интенсивность» родительской роли как фактор ее стрессогенности. Полярность выраженности установок на интенсивное родительство в эмпирических группах с «ориентацией на многодетность» и с «ориентацией на бездетность» также позволяет сформулировать основные векторы восприятия стрессогенности родительства.

Удовлетворённость родительством и как крайний его вариант – самореализация через родительство в представлении молодежи, «ориентированной на многодетность» реализуется через активное развитие детей (стимуляцию) и участие во всех сторонах их жизни. Это демонстрирует описанную А. Ларро вариацию реализации родительства *«ребенок как проект»*. Где удовлетворенность материнством и отцовством проявляется как вариант самореализации женщин и мужчин через создание успешного будущего своих детей с акцентом на когнитивной стимуляции с самого раннего возраста для формирования «конкурентоспособности» в будущем [15]. Таким образом, юноши и девушки отмечают, что одной из основных задач родителя признается обеспечение всестороннего развития ребенка, стимуляция его познавательных и творческих способностей с самого раннего возраста, начиная с внутриутробного периода, зачастую сопровождающие жизнь уже взрослых детей. При этом признается, что родительство сопряжено и с довольно ощутимыми трудностями, связанными с высоким уровнем ответственности, постоянным беспокойством о своих детях, необходимостью много знать и уметь, чтобы быть успешным родителем. Таким образом, будущая родительская роль воспринимается как требующая ориентации на ребенка и его активной стимуляции, что логично связано с убежденностью о ее трудности. Интересным представляется сравнение полученных результатов с выборкой женщин, имеющих детей. Они демонстрировали выраженное согласие с тем, что родительство – одна из самых приятных и ценных ролей в жизни каждого человека, а появление детей наполняет жизнь истинным смыслом. Они делали акцент на готовности получать удовольствие от родительства, через заботу о детях, постановку их в центр семейной системы и стимуляцию [27].

Исследования родительской удовлетворенности привели ученых к выводам, что она является как предиктором, так и результатом родительского стресса [28], а субъективная оценка потенциального родительского опыта с низкой степенью удовлетворенности является критерием формирования репродуктивного отношения (репродуктивных установок) молодых людей в отношении добровольной бездетности или отложенного родительства. Интересным представляется, что среди юношей удовлетворенность родительством несколько выше – это подтверждает и ряд исследований, где мужчины говорят о большей удовлетворенности родительством, нежели женщины [14], что закономерно в контексте выраженности эссенциальных установок интенсивного родительства, поскольку именно матери берут на себя основную роль в уходе

за детьми и в выполнении наиболее сложных задач, связанных с воспитанием детей, и выполняют домашние обязанности. Женщины, как правило, испытывают больший дефицит времени, чем отцы, уже на этапе перехода к родительству [29].

В выборке с «*ориентацией на бездетность*» респонденты акцентируются на трудностях родительства, связанных с постановкой ребенка в центр семейной системы в ущерб собственным интересам. Молодые люди не готовы получать удовольствие от родительства и воспринимают его как трудную повседневную и рутинную работу. Эссенциализация родительских убеждений и представление о структуре семьи, где ее центром является ребенок, наводят на мысли о ограничениях в карьерных устремлениях молодых людей, связанных с появлением детей. Данный аспект может восприниматься в молодежной среде как стрессогенный фактор формирования образа родителя, влияющий на репродуктивные установки среди современных молодых людей, ориентированных на эгалитарную модель отношений с равным участием партнеров в обслуживании домохозяйства, уходом за детьми и оплачиваемой занятости вне дома.

Идеология интенсивного родительства связана с неравенством в разделении труда и уходе за детьми. Эссенциализация родительских убеждений и восприятие материнства как тяжелой работы может интерпретироваться как несправедливое разделение обязанностей между партнерами, что согласуется с результатами исследования на выборке женщин, не имеющих детей [30]. Данный аспект является одним из ключевых в формировании репродуктивных установок среди девушек, поскольку именно женщины, подвергаются большему риску родительского стресса, где мать отвечает за маленьких детей, и обычно несёт основную ответственность по уходу за ребенком, монотонность ее бесконечных повседневных дел способствует увеличению выраженности стресса у матерей [31]. При этом была обнаружена связь, между вовлеченностью отца и материнским дистрессом – своим участием в родительстве отцы смягчали последствия материнского родительского стресса [32].

Заключение

Представленные результаты исследования и их осмысление позволяет говорить о специфике представлений о стрессогенности и интенсивности родительства в зависимости от ориентации на деторождение и гендерного фактора, что подтверждает нашу гипотезу. Представления о потере контроля над собственной жизнью и высоком уровне требований, трудо- и ресурсозатратности родительской роли, возможность восполнения затрат через внешние ресурсы или через эмоциональные «бонусы» родительства не только характеризуют специфичность, но и могут выступать одним из субъективных факторов, определяющих выбор ориентации на деторождение.

Анализ восприятия стрессогенности родительства в ракурсе гендера показывает, что потенциальные матери еще до рождения детей воспринима-

ют родительскую роль как стрессогенную и видят дисбаланс в возможности компенсировать свои трудозатраты через эмоциональные вознаграждения от детей, ожидают меньший уровень родительской удовлетворённости, чем юноши. Самыми сложными и даже угрожающими физическому и психическому здоровью оценивают девушки материнские стрессы воспитания и ухода в раннем и дошкольном возрасте. Такая субъективная картина материнства не так оптимистична, как образ отцовства, при этом точно отражает родительский реализм, а также принятые в обществе установки на эссенциализм.

Можно говорить, что эссенциализация взглядов на потенциальное родительство может выступать как стрессогенный фактор, влияющий на репродуктивные планы. Утрата контроля над своей жизнью, отсутствие свободы, и невозможность реализации в карьере формирует настороженное отношение к образу родителя среди молодых людей. Готовность получать эмоциональное вознаграждение через родительство является одной из ключевых составляющих в оценке стрессогенности будущего отцовства и материнства, и снижает все проявления родительского стресса.

Ограничения настоящего исследования определяются характеристиками выборки. Результаты не подлежат генерализации на всю совокупность молодых людей не имеющих детей старше 30 лет, на студентов среднего специального образования, молодых людей, проживающих в иных или особых социально-культурных и демографических условиях (например, студенты – жители мегаполисов, иностранные студенты, представители религиозных конфессий).

Представленные результаты исследования отражают результаты анализа лишь части полученных эмпирических данных, но позволяют определить дальнейшие направления работы. Исследовательскими перспективами является более подробный анализ факторов стрессогенности родительства в представлениях студентов (социально-демографических, а также социально-психологических, в частности семейных), что будет сделано на следующих этапах. Исследовательский интерес представляет расширение выборки молодежи «чайлд-фри» и более глубокий анализ их субъективной картины родительства и определяющих ее факторов.

Практическая значимость исследования может быть реализована в программах поддержки молодых людей и будущих родителей, не определившихся с репродуктивным статусом, имеющих стрессогенную субъективную картину родительства. Полученные результаты могут быть использованы для обоснования и разработки в образовательных организациях актуальных социально-педагогических, воспитательных, консультативных направлений и программ по работе с репродуктивными планами молодежи, факторами, влияющими на них. Например, работа с эссенциальными установками.

Список использованных источников

1. Кудинова А. Е., Бурина Е. А. Феномен родительского стресса: обзор теоретических исследований // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: материалы

Международной научно-практической конференции XIX Мухинские чтения, 19–20 ноября 2020 г. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 220–225.

2. Мельникова Е. Н. Чайлдфри как социальное явление // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 49–3. С. 93–96. DOI: 10.18411/lj-04-2019-66

3. Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 65–80. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6410

4. Blanchflower D. G., Clark A. E. Children, unhappiness and family finances // Journal of Population Economics. 2021. № 34. P. 625–653. DOI: 10.1007/s00148-020-00798-y

5. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions // Clinical Psychology: Science and Practice. 1998. № 5 (3). P. 314–332. DOI: 10.1111/j.1468-2850.1998.tb00152.x

6. Савеньшева С. С., Заплетина О. О. Родительский стресс матерей детей раннего и дошкольного возраста: роль социально-демографических факторов [Электрон. ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. С. 53. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PD-F/65PSMN619.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).

7. Bloomfield L., Kendall S. Parenting self-efficacy, parenting stress and child behaviour before and after a parenting programme // Primary health care research & development. 2012. № 13 (4). P. 364–372. DOI: 10.1017/S1463423612000060

8. Meeussen L., Van Laar C. Feeling pressure to be a perfect mother relates to parental burnout and career ambitions // Frontiers in psychology. 2018. № 9. P. 2113. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02113

9. Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования [Электрон. ресурс] // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 2. С. 1–11. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24251913> (дата обращения: 02.04.2023).

10. Heys S. The cultural contradiction of motherhood. New Haven: Yale Univ. Press, 1996. P. 252.

11. Henderson A., Harmon S., Newman H. The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood // Sex Roles. 2016. № 74. P. 512–526. DOI: 10.1007/s11199-015-0534-5

12. Nomaguchi K., Milkie M. A. Parenthood and well-being: A decade in review // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82, № 1. P. 198–223. DOI: 10.1111/jomf.12646

13. Пушкарева Н. Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история [Электрон. ресурс] // Запад-Восток. 2014. № 7. С. 103–118. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_22897664_65705850.pdf (дата обращения: 28.03.2023).

14. Nelson S. K., Kushlev K., Lyubomirsky S. The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? // Psychological Bulletin/ 2014. Vol. 140, № 3. P. 846–895. DOI: 10.1037/a0035444

15. Lareau A. Schools, housing, and the reproduction of inequality // Choosing homes, choosing schools. Russell Sage Foundation, 2014. P. 169–206. DOI: 10.7758/9781610448208.11

16. Орлова Л. А. Конфликтность образа родителя и когнитивный компонент психологической готовности к родительству в юношеском возрасте [Электрон. ресурс] // Евразийское научное объединение. 2021. № 5–6 (76). С. 368–371. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_46338844_98623635.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

17. Сафонова М. В., Ковалева О. М. Анализ социальных представлений современных россиян о «хорошей маме» и «хорошем папе» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2021. № 3 (57). С. 100–112. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-57-3-294

18. Рудзинская Т. Ф. Современные представления студенческой молодежи о проблеме родительства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2013. № 1. С. 47–51. DOI: 10.18500/2304-9790-2013-2-1-47-51

19. Lappegård T., Neyer G., Vignoli D. Three dimensions of the relationship between gender role attitudes and fertility intentions // *Genus*. 2021. № 77. P. 1–26. DOI: 10.1186/s41118-021-00126-6
20. Sakman E. Voluntary childlessness: a review of the factors underlying the decision not to have children // *Psikoloji Çalışmaları*. 2021. Vol. 41, № 1. P. 83–109. DOI: 10.26650/SP2020-0105
21. Abma J. C., Martinez G. M. Childlessness among older women in the United States: Trends and profiles // *Journal of Marriage and Family*. 2006. Vol. 68, № 4. P. 1045–1056. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2006.00312.x
22. Cwikel J., Gramotnev H., Lee C. Never-married childless women in Australia: Health and social circumstances in older age // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62, № 8. P. 1991–2001. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.09.006
23. Avison M., Furnham A. Personality and voluntary childlessness // *Journal of Population Research*. 2015. № 32. P. 45–67. DOI: 10.1007/s12546-014-9140-6
24. Neal Z. P., Neal J. W. Prevalence, age of decision, and interpersonal warmth judgements of child-free adults // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12, № 1. P. 11907. DOI: 10.1038/s41598-022-15728-z
25. Ушакова В. Р. Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2020. Т. 20, № 3. С. 322–328. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328
26. Skreden M., Skari H., Malt U. F., Pripp A. H., Björk M. D., Faugli A., Emblem R. Parenting stress and emotional wellbeing in mothers and fathers of preschool children // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2012. № 40 (7) P. 596–604. DOI: 10.1177/1403494812460347
27. Мисижук Ю. В. Эмоционально-оценочные характеристики самовосприятия матери в контексте интенсивного родительства // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2022. Т. 28, № 1. С. 84–91. DOI: 10.34216/2073-1426-2022-28-1-84-91
28. Crnic K., Ross E. Parenting stress and parental efficacy // *Parental stress and early child development*. Springer. Cham. 2017. P. 263–284. DOI: 10.1007/978-3-319-55376-4_11
29. Ruppner L., Perales F., Baxter J. Harried and unhealthy? Parenthood, time pressure, and mental health // *Journal of Marriage and Family*. 2019. Vol. 81, № 2. P. 308–326. DOI: 10.1111/jomf.12531
30. Liss M., Schiffrin H. H., Mackintosh V. H., Miles-McLean H., Erchull M. J. Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. № 22. P. 621–636. DOI: 10.1007/s10826-012-9616-y
31. Lebert-Charron A. et al. Maternal burnout syndrome: Contextual and psychological associated factors // *Frontiers in psychology*. 2018. № 9. P. 885. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00885
32. Trumello C., Babore A., Cofini M., Baiocco R., Chirumbolo A., Morelli M. The buffering role of paternal parenting stress in the relationship between maternal parenting stress and children's problematic behavior // *International Journal of Psychology*. 2021. Vol. 56, № 5. P. 739–744. DOI: 10.1002/ijop.12758

References

1. Kudinova A. E., Burina E. A. The phenomenon of parental stress: An overview of theoretical research. In: *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii XIX Muhinskie chteniya = Actual Problems of Personality Development in Modern Society. Materials of the International Scientific and Practical Conference XIX Mukhin Readings; 2020*; Pskov. Pskov: Pskov State University; 2020. p. 220–225. (In Russ.)
2. Mel'nikova E. N. Childfree as a social phenomenon. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Development Trends in Science and Education*. 2019; 49 (3): 93–96. DOI: 10.18411/Ij-04-2019-66 (In Russ.)

3. Gurko T. A. Student's attitudes to parenthood and the social roles of men and women. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2019; 7 (2): 65–80. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6410 (In Russ.)
4. Blanchflower D. G., Clark A. E. Children, unhappiness and family finances. *Journal of Population Economics*. 2021; 34: 625–653. DOI: 10.1007/s00148-020-00798-y
5. Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 1998; 5 (3): 314–332. DOI: 10.1007/978-3-319-55376-4
6. Savenysheva S. S., Zapletina O. O. Parenting stress of mothers of preschool children: the role of sociodemographic factors. *Mir nauki. Pedagogika i psihologija = World of Science. Pedagogy and Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2023 Mar 18]; 7 (6): 53. Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN619.pdf> (In Russ.)
7. Bloomfield L., Kendall S. Parenting self-efficacy, parenting stress and child behaviour before and after a parenting programme. *Primary Health Care Research & Development*. 2012; 13 (4): 364–372. DOI: 10.1017/S1463423612000060
8. Meeussen L., Van Laar C. Feeling pressure to be a perfect mother relates to parental burnout and career ambitions. *Frontiers in Psychology*. 2018; 9: 2113. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02113
9. Polivanova K. N. Parenting and parenthood as research domains. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education* [Internet]. 2015 [cited 2023 Apr 02]; 7 (2): 1–11. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24251913>
10. Heys S. *The cultural contradiction of motherhood*. New Haven: Yale Univ. Press; 1996. 252 p.
11. Henderson A., Harmon S., Newman H. The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*. 2016; 74: 512–526. DOI: 10.1007/s11199-015-0534-5
12. Nomaguchi K., Milkie M. A. Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*. 2020; 82 (1): 198–223. DOI: 10.1111/jomf.12646
13. Pushkareva N. L. Motherhood as a socio-biological phenomena: Psychology, philosophy, history. *Zapad – Vostok = West – East* [Internet]. 2014 [cited 2023 Mar 28]; 7: 103–118. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_22897664_65705850.pdf
14. Nelson S. K., Kushlev K., Lyubomirsky S. The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*. 2014; 140: 846–889. DOI: 10.1037/a0035444
15. Lareau A. Schools, housing, and the reproduction of inequality. In: Lareau A., Goyette K. (Eds.). *Choosing homes, choosing schools*. Russell Sage Foundation; 2014. p. 169–206. DOI: 10.7758/9781610448208.11
16. Orlova L. A. The conflict of the parent's image and the cognitive component of psychological readiness for parenthood in adolescence. *EvrAzijskoe nauchnoe ob'edinenie = Eurasian Scientific Association* [Internet]. 2021 [cited 2023 Apr 04]; 5-6 (76): 368–371. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_46338844_98623635.pdf (In Russ.)
17. Safonova M. V., Kovaleva O. M. Analysis of social perceptions of modern Russians about a “good mom” and a “good dad”. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of the Krasnojarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*. 2021; 3 (57): 100–112. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-57-3-294 (In Russ.)
18. Rudzinskaja T. F. Modern student-age idea of parenthood problem. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija = Izvestija of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2013; 2 (1): 47–51. DOI: 10.18500/2304-9790-2013-2-1-47-51 (In Russ.)
19. Lappegard T., Neyer G., Vignoli D. Three dimensions of the relationship between gender role attitudes and fertility intentions. *Genus*. 2021; 77: 1–26. DOI: 10.1186/s41118-021-00126-6

20. Sakman E. Voluntary childlessness: A review of the factors underlying the decision not to have children. *Psikoloji Çalışmaları*. 2021; 41 (1): 83–109. DOI: 10.26650/SP2020-0105

21. Abma J. C., Martinez G. M. Childlessness among older women in the United States: Trends and profiles. *Journal of Marriage and Family*. 2006; 68 (4): 1045–1056. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2006.00312.x

22. Cwikel J., Gramotnev H., Lee C. Never-married childless women in Australia: Health and social circumstances in older age. *Social Science & Medicine*. 2006; 62 (8): 1991–2001. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.09.006

23. Avison M., Furnham A. Personality and voluntary childlessness. *Journal of Population Research*. 2015; 32: 45–67. DOI: 10.1007/s12546-014-9140-6

24. Neal Z. P., Neal J. W. Prevalence, age of decision, and interpersonal warmth judgements of child-free adults. *Scientific Reports*. 2022; 12. (1): 11907. DOI: 10.1038/s41598-022-15728-z

25. Ushakova V. R. Family value in young people with different reproductive behaviors. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020; 20 (3): 322–328. DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-3-322-328 (In Russ.)

26. Skreden M., Skari H., Malt U. F., Pripp A. H., Björk M. D., Faugli A., Emblem R. Parenting stress and emotional wellbeing in mothers and fathers of preschool children. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2012; 40 (7): 596–604. DOI: 10.1177/1403494812460347

27. Misijuk Ju. V. Emotional and evaluative characteristics of mother's self-perception in the context of intensive parenthood. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika = Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2022; 28 (1): 84–91. DOI: 10.34216/2073-1426-2022-28-1-84-91 (In Russ.)

28. Crnic K., Ross E. Parenting stress and parental efficacy. In: Deater-Deckard K., Panneton R. (Eds.). *Parental stress and early child development*. Cham: Springer; 2017. p. 263–284. DOI: 10.1007/978-3-319-55376-4_11

29. Ruppner L., Perales F., Baxter J. Harried and unhealthy? Parenthood, time pressure, and mental health. *Journal of Marriage and Family*. 2019; 81 (2): 308–326. DOI: 10.1111/jomf.12531

30. Liss M., Schiffrin H. H., Mackintosh V. H., Miles-McLean H., Erchull M. J. Development and validation of a quantitative measure of intensive parenting attitudes. *Journal of Child and Family Studies*. 2013; 22: 621–636. DOI: 10.1007/s10826-012-9616-y

31. Lebert-Charron A., et al. Maternal burnout syndrome: Contextual and psychological associated factors. *Frontiers in Psychology*. 2018; 9: 885. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00885

32. Trumello C., Babore A., Cofini M., Baiocco R., Chirumbolo A., Morelli M. The buffering role of paternal parenting stress in the relationship between maternal parenting stress and children's problematic behavior. *International Journal of Psychology*. 2021; 56 (5): 739–744. DOI: 10.1002/ijop.12758

Информация об авторах:

Тихонова Инна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, старший научный сотрудник Костромского государственного университета; ORCID 0000-0001-7756-0610, Scopus Author ID 57216491417 AuthorID 685564, SPIN-код 2048-7100; Россия, Кострома. E-mail: inn.007@mail.ru

Мисюк Юлия Викторовна – кандидат психологических наук, младший научный сотрудник Костромского государственного университета; ORCID 0000-0003-3257-1948, Author ID 1075567, SPIN-код 8864-7078; Россия, Кострома. E-mail: misiyk@ysmu.ru

Севастьянова Ульяна Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, старший научный сотрудник Костромского государственного университета; ORCID 0000-0002-0981-6669, AuthorID 744264, SPIN-код 9405-5535; Россия, Кострома. E-mail: ulyanakostroma@mail.ru

Вклад соавторов:

И. В. Тихонова – разработка концепции исследования, исследовательской методологии, научное руководство и организация исследования, статистическая обработка, анализ и обобщение полученных результатов.

Ю. В. Мисиюк – анализ зарубежных материалов по исследуемой проблеме, анализ полученных эмпирических данных, их обобщение и осмысление.

У. Ю. Севастьянова – анализ российских материалов по исследуемой проблеме, анализ полученных эмпирических данных, их обобщение и осмысление.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; поступила после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 01.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Inna V. Tikhonova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University; ORCID 0000-0001-7756-0610, Scopus Author ID 57216491417, AuthorID 685564, SPIN-code 2048-7100; Kostroma, Russia. E-mail: inn.007@mail.ru

Yuliya V. Misiyuk – Cand. Sci. (Psychology), Junior Researcher, Kostroma State University; ORCID 0000-0003-3257-1948, AuthorID 1075567, SPIN-code 8864-7078; Kostroma, Russia. E-mail: misiyk@ysmu.ru

Ulyana Yu. Sevastyanova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University; ORCID 0000-0002-0981-6669, AuthorID 744264, SPIN-code 9405-5535; Kostroma, Russia. E-mail: ulyanakostroma@mail.ru

Contribution of the authors:

I. V. Tikhonova developed the concept of the study, research methodology, carried out scientific management and organisation of the study, carried out statistical processing, analysis and generalisation of the results.

Yu. V. Misiyuk conducted the analysis of scientific materials on foreign studies of the stated problem, analysis of the empirical data obtained on the attitudes towards intensive parenthood among students, generalisation and comprehension of data obtained.

U. Yu. Sevastyanova conducted the analysis of scientific materials on research of the stated problem in Russia, analysis of the empirical data obtained on the ideas about the stressfulness of parenthood among students.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 10.04.2023; revised 12.09.2023; accepted for publication 01.11.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Inna Viktorovna Tíjonova: Candidata a Ciencias de la Psicología, Profesora Asociada, Profesora Asociada del Departamento de Pedagogía Especial y Psicología, Investigadora Senior de la Universidad Estatal de Kostromá; ORCID 0000-0001-7756-0610, Scopus Author ID 57216491417 AuthorID 685564, SPIN-code 2048-7100; Rusia, Kostromá. Correo electrónico: inn.007@mail.ru

Yulia Víktorovna Misiyuk: Candidata a Ciencias de la Psicología, Investigadora Junior de la Universidad Estatal de Kostromá; ORCID 0000-0003-3257-1948, AuthorID 1075567, SPIN-code 8864-7078; Rusia, Kostromá. Correo electrónico: misiyk@ysmu.ru

Uliana Yúrevna Sevastiánova: Candidata a Ciencias de la Psicología, Profesora Asociada del Departamento de Pedagogía Especial y Psicología, Investigadora Senior de la Universidad Estatal de Kostromá; ORCID 0000-0002-0981-6669, AuthorID 744264, SPIN-code 9405-5535; Rusia, Kostromá. Correo electrónico: ulyanakostroma@mail.ru

Contribución de coautoría:

I. V. Tijonova: desarrollo del concepto de investigación, metodología de la investigación, dirección científica y organización del estudio, procesamiento estadístico, análisis y generalización de los resultados obtenidos.

Yu. V. Misiyuk: análisis de materiales extranjeros sobre el problema en estudio, análisis de los datos empíricos obtenidos, su generalización y comprensión.

U. Yu. Sevastiánova: análisis de materiales rusos sobre el problema en estudio, análisis de los datos empíricos obtenidos, su generalización y comprensión.

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflictos de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 10/04/2023; recepción efectuada después de la revisión el 12/09/2023; aceptado para su publicación el 01/11/2023.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.